

Вашингтон Ирвинг

Рассказы о Дольфе Хейлигере (сборник)

Вашингтон Ирвинг

Рассказы о Дольфе Хейлигере (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10878035

Рассказы о Дольфе Хейлигере: 2015

ISBN 978-5-4467-1362-2

Аннотация

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

Содержание

Дом с привидениями	4
Дольф Хейлигер	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вашингтон Ирвинг

Рассказы о Дольфе Хейлигере

Из бумаг покойного Дитриха Никкербоккера

Дом с привидениями

Прежде почти в каждом населенном пункте существовал такой дом. Если дом был расположен в унылой местности или выстроен в старинном романтическом стиле, если в его стенах случилось какое-нибудь необычайное происшествие или убийство, внезапная смерть или что-либо в этом роде, можете не сомневаться, что такой дом становился «особым» домом и впоследствии приобретал славу обители призраков.

Борн, «Древности»

В окрестностях старинного городка Манхэттена еще не так давно существовало ветхое здание, которое в дни моего детства называли «Дом с привидениями». Это здание было одним из немногих памятников архитектуры первых голландских поселенцев и в свое время, надо думать, представляло собою весьма порядочный дом. Оно состояло из центральной части и двух боковых крыльев, фронтоны которых ступеньками подымались вверх. Построен был этот дом частью из дерева, частью из мелких Голландских кирпичей, вывозимых зажиточными колонистами из Голландии, пока, наконец, их не осенила догадка, что кирпичи в сущности можно выделывать где угодно. «Дом с привидениями» стоял вдалеке от дороги, среди обширного поля; к нему вела аллея акаций, из которых иные были расщеплены молнией, а две-три повалены бурей. В разных концах поля росло несколько яблонь; тут же можно было обнаружить и следы огорода; но изгородь развалилась, культурные растения исчезли или одичали настолько, что немногим отличались от сорняков, и между ними кое-где виднелся заросший, взлохмаченный куст розы или высокий стебель подсолнечника, поднимавшийся над колючим терновником и понуро опускавший голову, точно он оплакивал окружающее его запустение. Часть крыши старого здания провалилась, окна были выбиты, филенки дверей проломаны и заколочены досками; на обоих концах дома два ржавых флюгерных петушка немилосердно визжали и скрежетали, поворачиваясь на спицах, и тем не менее всегда неверно указывали направление ветра. Если даже при солнце это место поражало заброшенностью и запустением, то нет ничего удивительного, что завывания ветра вокруг ветхого, наполовину развалившегося дома, скрежет и визг флюгерных петушков, хлопанье и грохот сорванных с петель ставней, когда разыгрывалось ненастье, нагоняли такую жуть и тоску, что всем окрестным жителям дом и прилежавший к нему участок земли внушали неодолимый ужас. Носилась молва, будто именно здесь происходят шабаши призраков. Я и сейчас еще отчетливо помню облик старого здания. Сколько раз слонялся я возле него с моими приятелями, отпетыми сорванцами и лоботрясами, когда по воскресеньям и в праздники мы пускались после обеда в пиратские набеги на пригородные сады! У самого дома росло великолепное дерево: ветви его гнулись под тяжестью чудесных, полных соблазна плодов, но оно было на заклятой земле; это место, как повествовали бесчисленные рассказы, пребывало во власти колдовских сил — и мы не решались к нему подступиться. Иногда мы все же набирались отваги и скопом, все вместе, косясь на старое

здание и со страхом поглядывая на его зияющие окна, приближались к этому дереву Гесперид¹, но когда мы уже готовились наброситься на добычу, кто-нибудь из нашей ватаги вдруг неожиданно вскрикивал или нас приводил в смятение какой-нибудь случайно возникший шум, и, охваченные паническим страхом, мы пускались во все лопатки и неслись, сломя голову и не останавливаясь, пока не выбирались, наконец, на дорогу. И каких страстей не рассказывали мы о загадочных криках и столах, раздающихся внутри дома, об отталкивающем, страшном лице, которое, согласно поверьям, иногда показывается в одном из окон! Мало-помалу мы потеряли охоту посещать это пустынное место; мы предпочитали стоять где-нибудь поодаль и забрасывать дом градом камней; звук, который они издавали, ударяясь о крышу, или порою звон выбитого, случайно уцелевшего обломка стекла доставляли нам жуткое, смешанное с ужасом наслаждение.

Когда и кем был выстроен этот дом, покрыто мраком, окутывающим зарю истории нашей провинции, иначе говоря, тот период, когда она находилась под властью «их светлостей Генеральных Штатов Голландии». Некоторые считают, что в былое время он служил сельскою резиденцией Вильгельма Кифта, по прозванию Упрямец, одного из голландских губернаторов Нового Амстердама. Другие, однако, настаивают на том, что его построил один морской офицер, служивший под начальством ван Тромпа²; будучи обойден производством в чинах, он счел себя обиженным, покинул службу, сделался с досады философом и, дабы иметь возможность жить по своему вкусу и усмотрению и презирать всех и все, перебрался со всеми своими пожитками в эти края. Вопрос о том, что именно явилось причиною заброшенности дома и примыкающего к нему участка земли, тоже порождает жаркие споры; одни уверяли, будто из-за этой мызы в свое время возникла тяжба, судебные издержки которой превысили стоимость самой мызы, между тем как наиболее распространенная и, бесспорно, достоверная версия утверждала, будто в доме завелась нечистая сила и от нее никому не стало покоя. И в самом деле, последнее обстоятельство почти несомненно явилось истинною причиною запустения и разрушения дома: недаром же столько историй в один голос повторяют одно и то же, недаром любая старуха в округе может выложить во всякое время не менее двух десятков подобных рассказов.

Невдалеке от мызы жил одинокий негр – старый, седой скаред, у которого была в запасе целая куча таких историй; многое из того, что он рассказывал, произошло лично с ним. Я и мои школьные товарищи не раз забегали к нему на участок, чтобы послушать его болтовню. Старик обитал в жалкой лачуге, стоявшей среди крошечного клочка земли, засаженного картофелем и кукурузой и подаренного ему вместе с волею его бывшим хозяином. Он подходил, бывало, к нам с мотыгой в руке, мы усаживались, словно стая ласточек, прильнув к жердям изгороди, и в летние сумерки, когда все окутывают мягкие тени, затаив дыхание, слушали его страшные рассказы, а он при этом так жутко вращал белками, нас охватывал такой ужас, что, возвращаясь в темноте по домам, мы пугались нередко своих же шагов.

Бедный старый Помпей! Прошли годы и годы с тех пор, как он умер, спеша составить компанию тем самым духам, о которых так любил поболтать. Его схоронили на картофельном поле, по его могиле вскоре прошелся плуг, сровнявший ее с землей, и никто на всем свете не вспоминал больше о седом старом негре.

Спустя несколько лет, сделавшись тем, что называют обычно «молодым человеком», я случайно попал снова в эти места и, бродя по окрестностям, наткнулся на кучу зевак, глazeвших на череп, только что выброшенный из земли лемехом плуга. Они, конечно, тут же

¹ Геспериды, три дочери Атланта, как рассказывает древнегреческий миф, владели садом, в котором росли яблони с золотыми яблоками. Сад охранялся стоглавым драконом. Проникнуть в сад было невозможно, и этот подвиг оказался под силу лишь одному Гераклу. Отсюда выражение – дерево Гесперид.

² Мартин ван Тромп (1597–1653) – известный голландский моряк.

решили, что перед ними – кости «убитого человека», и принялись ворошить груды обычных историй о «Доме с привидениями». Я сразу понял однако, что это останки бедняги Помпея, но прикусил язык, ибо, уважая чужое удовольствие, не люблю портить рассказ о духах или убийстве. Впрочем, я принял меры, чтобы кости моего давнего приятеля были вторично преданы земле и чтобы на этот раз ничто больше не нарушило их покоя.

Пока я сидел на траве и наблюдал за их погребением, между мною и одним пожилым джентльменом завязалась весьма занимательная и продолжительная беседа. Джентльмен этот, проживавший в здешних местах, носил имя Джон Джоссе Вандермоер и был любезным, обожающим поговорить человеком, вся жизнь которого прошла либо в выслушивании, либо в сообщении другим местных сплетен. Он вспомнил старого Помпея и его рассказы о «Доме с привидениями»; он заявил также, что может поведать еще более загадочную и таинственную историю, чем те, что рассказывал когда-то Помпей, и когда я выразил желание прослушать ее, присел на траву рядом со мной и сообщил приводимую ниже повесть. Я постарался передать ее по возможности дословно, но с того времени протекли годы, я стал стар, и память моя теперь уж не та. Я не могу поэтому ручаться за слог, но в отношении фактов я неизменно проявлял исключительную точность и щепетильность.

Дольф Хейлигер

*Беру весь Килбери – город, где живу,
В свидетели, что был рожден
Застенчивым, к стыдливости приучен.
Пусть пса мне приведут, который мог бы
Сказать, что бит он мною без вины;
Пусть кот на Библии присягу даст,
Что хвост ему хотел я подпалить, –
Обоим я по кроне уплачу!*

«Сказка о бочке»

В начальный период истории провинции Нью-Йорк, в те времена, когда она стонала под гнетом тиранического управления английского губернатора лорда Корнбери, который, всячески притесняя голландское население, дошел до того, что не разрешал ни священнику, ни школьному учителю преподавать на родном языке без особого на то разрешения, – в эти самые времена в небольшом старинном веселом городе, носящем имя Манхеттен, проживала некая славная женщина и отличная мать, известная всем как «хозяйка Хейлигер». Она была вдовою голландского флотского капитана, безвременно умершего от горячки – последствия его чрезмерных трудов и столь же чрезмерного аппетита – в те тревожные дни 1705 года, когда городу грозила опасность со стороны небольшого французского капера и горожане, ударившись в панику, принялись поспешно возводить укрепления. Покойный оставил ее с очень скудными средствами и сыном-малюткою на руках; прочие дети этой четы умерли во младенчестве. Почтенная женщина едва сводила концы с концами, так что ей приходилось прилагать немало усилий, дабы внешне все обстояло благопристойно. Впрочем, поскольку ее супруг пал жертвою рвения к общему благу, все единодушно решили, что «для вдовы надо бы что-то сделать», и в надежде на это «что-то», она более или менее сносно просуществовала несколько лет: все ей сочувствовали, все отзывались о ней с поразительной теплотой, и это, надо думать, заменяло ей в известной степени помощь.

Она обитала в маленьком домике на маленькой улочке, называвшейся Гарден-стрит³ – возможно, по той причине, что некогда здесь был какой-нибудь сад. И так как с каждым годом ее нужда становилась острее и острее, а разговоры о том, что «для нее надо бы что-то сделать» все глуше и глуше, ей пришлось под конец возложить заботу об этом «что-то» на себя самое и призадуматься, как в добавление к своим скудным средствам добыть новый источник дохода, сохранив свою независимость, к которой она относилась чрезвычайно ревниво.

Проживая в торговом городе, госпожа Хейлигер прониклась в некоторой мере царившим в нем духом и решила попытать счастья в шумной лотерее коммерции. В один прекрасный день, на удивление всей улице, в ее окне появилась целая шеренга пряничных королей и пряничных королей, которые, как полагается царским особам, стояли, разумеется, подбоченясь. Тут были также в изрядном количестве большие, как правило – увечные, стопки, одни с конфетами разного рода, другие – с детскими игральными шариками; кроме того, здесь можно было увидеть всевозможные пирожные, ячменный сахар, голландских кукол и деревянных лошадок; там и сям виднелись детские книжки в золоченых переплетах и мотки пряжи, а сверху на бечевке свешивались фунтовые пачки свечей. У дверей

³ Гарден (garden) – сад (англ.).

дома сидела обычно кошка почтенной госпожи Хейлигер – в высшей степени благопристойное существо, – по-видимому, пристально разглядывавшая прохожих и критически оценивавшая их платье; время от времени она вытягивала шею и всматривалась вдаль с внезапно нахлынувшим любопытством, дабы разглядеть хорошенько, что происходит на другом конце улицы; когда же случалось, что какая-нибудь празднующаяся собака оказывалась невдалеке и выражала намерение нарушить правила вежливости, – Боже мой, как она ершила шерсть, как плевалась, как фыркала, как выпускала когти! В такие минуты она всем своим обликом, явно говорившим о клопочущем и рвущемся наружу негодовании, поразительным образом походила на уродливую старую деву, обнаружившую, что к ней приближается какой-нибудь завзятый распутник.

Хотя почтенной женщине и пришлось познать, что значит нужда, все же она сохранила в себе чувство фамильной гордости – ведь недаром она происходила от ван дер Шпигелей из Амстердама! – и ревниво берегла раскрашенный герб ее рода, который красовался у нее в рамке над камином. И, по правде говоря, она пользовалась глубоким уважением беднейших обитателей города: дом ее был своего рода клубом для всех старух, проживавших поблизости. Они запросто заглядывали сюда зимними вечерами и заставляли хозяйку с вязаньем в руках с одной стороны камина, мурлыкавшую кошку с другой его стороны и распевавший песенки чайник – на угольках; здесь они судачили и болтали до позднего часа. Тут же стояло кресло, предназначавшееся для Петера де Гроодта, именуемого иной раз Петером Долговязым, а порою Петером Длинные Ноги. Это был могильщик, а заодно и пономарь маленькой лютеранской церкви, старинный друг-приятель госпожи Хейлигер, а также оракул у ее камелька. Да что Петер де Гроодт! Сам священник – и тот не гнушался заходить к ней время от времени, дабы побеседовать о том, что у нее на душе, и выпить стаканчик ее знаменитого, отличного на вкус черри-бренди⁴. Можете быть спокойны, он никогда не забывал заглянуть к ней и на Новый год, чтобы поздравить и пожелать ей всякой удачи и счастья, и наша почтенная женщина, в иных делах весьма щепетильная и тщеславная, неизменно тешила свое честолюбие и вручала ему такой увесистый сладкий пирог, какого не сыскать в целом городе.

Я упоминал уже, что у госпожи Хейлигер был единственный сын. Он родился, когда молодость ее миновала, но-увы! – не утешил ее на старости, ибо из всех отчаянных сорванцов городка Дольф Хейлигер был самым отчаянным сорви-головой. Нельзя сказать, чтобы мальчик находился во власти каких-либо мерзких пороков, однако он отличался большим озорством и веселостью и тем духом отваги и предприимчивости, который обычно перевозносятся в ребенке из богатой семьи, но осыпают проклятиями, когда он вселяется в детей бедняков. Дольф постоянно попадал в какую-нибудь беду; его мать без конца осаждали жалобами на его проказы и выходки, а заодно и счетами за выбитые им стекла; короче говоря, ему не исполнилось еще четырнадцати лет, а между тем все соседи звали его не иначе, как «паршивой собакой», «самой паршивой собакой на улице». Больше того, один пожилой джентльмен в бордовом камзоле, с худым красным лицом и глазами хорька однажды дошел до того, что принялся убеждать госпожу Хейлигер, будто ее сыну рано или поздно придется болтаться на виселице.

Несмотря ни на что, эта милейшая женщина любила своего мальчугана. Казалось, она испытывала к нему тем большую нежность, чем поведение его было хуже, и чем сильнее она обожала его, тем ненавистнее становился он всему свету. Матери – нелепо мягкосердечные существа, и их никак не излечишь от этого недостатка: Дольф был ее единственное дитя; кроме него, ей некого было любить в целом мире, – мы не должны поэтому осуждать ее,

⁴ Черри-бренди – напиток вроде вишневки (англ.)

если она оставалась глуха к голосам своих добрых друзей, всячески тщившихся уверить ее, что Дольфа все же ожидает веревка.

Собственно говоря, негодник Дольф был тоже привязан к матери. Он отдал бы все на свете, лишь бы не огорчать ее; провинившись, ловя на себе ее пристальный скорбный взгляд, он чувствовал, как сердце его наполняется горечью и раскаянием. Но, будучи созданием легкомысленным, он не находил в себе сил противостоять искушению и удержаться от новых проказ и забав. Хотя он все схватывал налету – стоило ему заставить себя взяться за книгу, – но его неудержимо влекло к праздношатающейся компании; вот почему он с великой охотой пускался на поиски птичьих гнезд, в набеги на фруктовые сады и в плаванье по Гудзону. Так понемногу он превратился в высокого неуклюжего парня. Мать стала задумываться, как направить его на путь истины или куда бы пристроить. Задача эта, надо сказать, была не из легких, ибо за ним утвердился такая дурная слава, что никто, видимо, не испытывал ни малейшей охоты предоставить ему какое-нибудь занятие.

Немало совещаний провела она по этому поводу с Петером де Гроодтом, здешним пономарем и в то же время могильщиком, который, как упоминалось выше, был ее первым советником. Петер был озабочен этим вопросом ничуть не меньше ее, ибо он высказывался крайне нелестно о мальчугане и не думал, чтобы из него вышло что-нибудь путное. Сначала он посоветовал бедной вдове послать своего сына в море, к чему, как известно, прибегают обычно лишь при окончательной безысходности или с отчаяния. Госпожа Хейлигер, однако, не хотела об этом и слышать, она не допускала и мысли о разлуке с Дольфом. Но однажды, когда она, сидя у огонька за вязаньем, думала все о том же, к ней ввалился неожиданно-негаданно пономарь, необычно оживленный и даже веселый. Он возвращался с похорон. Хорошили мальчика в возрасте Дольфа, который жил в учениках у знаменитого немецкого доктора и погиб от чахотки. Болтали, правда, будто несчастного докончили докторские эксперименты, ибо на нем он пробовал якобы действие своей новой микстуры, или, как он называл ее, успокоительного бальзама. Впрочем, было похоже, что все это враки; во всяком случае Петер де Гроодт не считал нужным об этом рассказывать. Что же до нас, то располагай мы временем пофилософствовать, этот предмет достоин был бы глубокого и всестороннего размышления, ибо почему, в самом деле, докторские помощники всегда худосочны и немощны, тогда как приказчики мясника – веселые, цветущие молодцы?

Петер де Гроодт, как я сообщил уже выше, ввалился в дом госпожи Хейлигер в состоянии необычного для него оживления. Он был во власти блестящей идеи, мелькнувшей у него в голове еще на похоронах; смакуя ее, он тихонько посмеивался, когда сгребал землю в могилу докторского ученика. Он решил, что раз должность покойника освободилась, значит есть подходящая служба для Дольфа. Мальчик обладает способностями, будет толочь пестиком в ступке и летать по поручениям, как ни один пострел в городе, – а что еще требуется от лекарского помощника?

Предложение хитроумного Петера было для матери «видением славы». Своим внутренним оком она уже, можно сказать, прозревала грядущее Дольфа – она видела трость, подпиравшую подбородок, висячий молоток на двери и буквы «Д. М.»⁵ позади его имени; словом, она видела его одним из самых почтенных обитателей города.

Сказано – сделано. Могильщик пользовался у доктора кое-каким влиянием, поскольку им нередко приходилось иметь дело друг с другом, хотя каждый трудился на своем собственном поприще. Уже на следующий день он зашел за Дольфом, облачившимся в свое лучшее воскресное платье, и повел его на показ к доктору Карлу Людвигу Книпперхаузену.

Они застали доктора в кресле с подлокотниками в углу его кабинета, или, как он любил выражаться, лаборатории, погруженным в изучение огромного тома, напечатанного

⁵ Доктор медицины.

немецкими литератами. Это был маленький толстенький человек с почти квадратным смуглым лицом, которое казалось еще темнее благодаря ермолке из черного бархата, натянутой на его голову. Он обладал небольшим шишкообразным носом – настоящий туз пик, – который был оседлан очками, блестящими с обеих сторон его хмурой физиономии и напоминавшим пару перехваченных сводом окон.

Представ пред столь ученою личностью, Дольф окончательно оробел; он глазел с ребяческим изумлением на все, находившееся в этом святилище знания: ему казалось, что он попал в чертог мага. Посередине комнаты стоял стол на ножках в виде звериных лап; он увидел на нем ступку с пестиком, пробирки, аптекарские банки и склянки и сверкающие металлические весы. В одном из углов находился массивный платяной шкаф, превращенный в склад всевозможных снадобий и лекарств; около него висели докторская шляпа, плащ и трость с золотым набалдашником; сверху скалил зубы человеческий череп. На камине стояли стеклянные банки, в которых можно было увидеть заспиртованных ящериц, змей и даже человеческий плод. В чуланчике, двери которого были отворены, виднелись заставленные книгами полки (их было там целых три, причем иные тома поражали своими чудовищными размерами) – библиотека, какую Дольф никогда прежде не видел. Так как докторские книги, очевидно, не вполне заполняли чуланчик, рассудительная домоправительница заняла свободное место горшками с соленьями и вареньем и развесила, кроме того, по стенам, рядом с грозным врачебным инструментарием, связки красного перца и исполинских огурцов, предусмотрительно оставленных на семена.

Петер де Гроодт и его протеже⁶ были приняты доктором – глубокомысленным, исполненным собственного достоинства маленьким человечком, который никогда не позволял себе улыбнуться, – с видом важным и величавым. Он оглядел Дольфа с головы до пят и с пят до головы; он воззрился на него поверх очков, из-под очков и сквозь очки; сердце мальчугана екнуло и замерло, когда на него уставились эти огромные стекла, похожие на две полных луны. Доктор благосклонно выслушал все сказанное Петером де Гроодтом в похвалу юного кандидата и затем, поклонив палец, принялся задумчиво перелистывать лежавший перед ним большой черный том. Наконец, после многочисленных «эхм!» и «гм!», поглаживания своего подбородка, раздумья и размышления, полагающихся по штату глубокомысленному человеку при решении вопроса, решенного в сущности сразу, он заявил о своей согласии принять к себе Дольфа в качестве ученика; он обещал обеспечить его постелью, столом и платьем и обучать врачебной науке, взамен чего тот обязывался служить ему до двадцати одного года.

И вот герой наш внезапно преобразился: из непоседливого пострела, без присмотра носившегося по улицам, он превратился в докторского ученика, старательно орудующего пестиком в ступке под руководством самого Карла Людвиг Книпперхаузена. Для обожающей его старой матери это было поистине счастливое превращение. Она бесконечно радовалась, что сын ее получит образование, как и следовало юноше из хорошего рода; предвкушала тот день, когда он окажется в состоянии держать свою голову столь же гордо и независимо, как адвокат, живущий в большом доме напротив, или даже как сам господин пастор.

Доктор Книпперхаузен был уроженцем Пфальца в Германии, откуда вследствие религиозных преследований вместе со многими земляками выехал в Англию. Он был одним из трех тысяч палатинатцев⁷, которые, пользуясь покровительством губернатора Хентера, в 1710 году переселились из Англии за море. Где именно доктор учился, каким образом постиг медицину, где и когда получил врачебный диплом – ответить на эти вопросы теперь

⁶ Покровительствуемый (франц.)

⁷ Жители Пфальца (иначе – Палатината, в Германии)

было бы в высшей степени затруднительно, ибо даже и в то время про это не ведала на одна живая душа. Несомненно однако, что его поразительное искусство и таинственные познания были предметом толков и изумления простолюдинов всех ближних и дальних мест.

Его методы лечения в корне отличались от методов всякого другого врача; он применял таинственные микстуры, рецепты которых были известны ему одному, и, как говорят, приготавливая и применяя лекарства, постоянно сверялся со звездами. Вера в его искусство, особенно среди голландцев и немцев, была так велика, что во всех трудных случаях они прибегали исключительно к его помощи. Он был одним из тех никогда не ошибающихся врачей, которые всегда добиваются внезапного и чудесного исцеления пациентов, совершенно безнадёжных, по отзыву других докторов; но, разумеется, только в том случае, если «болезнь не слишком запущена», как они имеют обыкновение предусмотрительно заявлять. Библиотека доктора также служила предметом толков и изумления соседних кварталов, даже, я скажу бы, всего городка. Честной народ смотрел с превеликим почтением на человека, который прочел три битком набитые книгами полки, причем некоторые между этими книгами были столь же увесистые, как семейная Библия. Между прихожанами маленькой лютеранской церковки шли бесконечные споры о том, кто учнее и умнее: доктор или господин пастор. Иные из поклонников доктора заходили так далеко, что утверждали, будто он образованнее самого губернатора; короче говоря, считалось, что знания его беспредельны.

Поступив к доктору на правах домочадца, Дольф незамедлительно был водворен в помещение, принадлежавшее его предшественнику. Это была комнатка на чердаке обычного, увенчанного крутою крышею голландского дома, где в непогоду барабанил по гонту дождь, и ослепляла яркими вспышками молния, и в щелках завывал ветер; к тому же тут носились целыми полчищами голодные крысы, рыскавшие повсюду подобно донским казакам⁸, невзирая на отраву и крысоловки.

Не прошло и нескольких дней, как Дольф по уши погрузился в изучение медицины. Утром, в течение дня и ночью трудился он в одном углу докторской лаборатории, изготовляя пилюли, фильтруя микстуры и растирая пестиком в ступке, между тем как доктор, от нечего делать или в ожидании пациентов, восседал в противоположном углу и, облачившись в халат и бархатную ермолку, рылся в каком-нибудь фолианте. Говоря по правде, равномерный стук пестика или, быть может, клонящее долу монотонное жужжание летних мух убаюкивали порою почтенного доктора, и он начинал клевать носом, но и в этих случаях очки его бодрствовали и пристально глядели в раскрытую книгу.

В докторском доме, впрочем, пребывала еще одна владетельная особа, по отношению к коей Дольф был связан вассальной зависимостью. Хотя доктор был холостяк и к тому же человек важный и исполненный собственного достоинства, но, следуя примеру многих высокочудных людей, он покорно сносил тираническое правление юбки. Он был всецело во власти своей домоправительницы. Это была тощая, с длинной талией, деловитая и раздражительная женщина в маленьком круглом стеганом немецком чепце, с огромною связкою дребезжащих ключей у пояса. Фрау Ильзе (или, иначе, фру Ильзи, как обычно ее называли) была неизменной спутницей доктора в его странствиях из Германии в Англию и из Англии в эти края; она пеклась о его хозяйстве и о нем самом и управляла им, надо признаться, настолько мягко и незаметно, что он этого вовсе не ощущал, хотя всем прочим частенько приходилось чувствовать на себе ее тяжелую руку. Объяснить, каким образом добилась она столь значительной власти, я не берусь. Толкуют, правда, о том... но о чем не толкуют с тех пор, как сотворен мир? Кто вообще в силах ответить, каким способом женщины обладают

⁸ Русские казаки, участвовавшие в кампании 1813–1814 годов, произвели сильное впечатление на всю Европу той внезапностью и быстротою, с которой они появлялись там, где их не ожидал неприятель.

верховною властью? Женатый еще бывает порою хозяином у себя в доме, но доводилось ли кому-нибудь встретить холостяка, который не пребывал бы под башмаком у своей экономки?

Нужно отметить однако, что власть и могущество фру Ильзи не ограничивались пределами хозяйства доктора Книпперхаузена. Она принадлежала к числу тех всюду сующихся кумушек, которые знают чужие дела много лучше, чем те, кого эти дела затрагивают непосредственно; их всевидящее око и вечно трещащие языки внушают соседям ни с чем не сравнимый ужас.

Не успеет, бывало, случиться в городке сколько-нибудь занятное скандальное происшествие, как все уже досконально известно вездесущей фру Ильзи. У нее была куча приятельниц, которые бесконечною чередой спешили в ее крошечную гостиную, принося с собой короба новостей. Больше того, ей случалось повергать подробнейшему разбору целые ворохи секретнейших сплетен у полуоткрытой на улицу двери, где она часами судачила с одной из болтливых подружек, несмотря на обжигающий холодом резкий декабрьский ветер.

Нетрудно догадаться, что, находясь в подчинении у доктора и одновременно у его экономки, Дольф жил в общем несладко. Поскольку фру Ильзи распоряжалась ключами и поскольку все плясало под ее дудку, задеть ее означало бы обречь себя на вечное голодание; в то же время проникновение в тайны ее характера было для Дольфа задачей гораздо более сложной, чем изучение медицинской премудрости. Когда он бывал свободен от занятий в лаборатории, ему приходилось носиться взад и вперед по городу с ее поручениями; по воскресеньям он должен был сопровождать ее в церковь, возвращаться обратно с нею и нести ее Библию. Много, много раз бедняге Дольфу выпадало на долю подолгу простаивать на церковном дворе, дрожать от холода, дуть на окоченевшие пальцы и растирать отмороженный нос, терпеливо дожидаясь фру Ильзи, которая, собрав вокруг себя кучку приятельниц, болтала без умолку, и они покачивали головами и разрывали в клочья какую-нибудь несчастную жертву, попавшуюся им на язык.

Несмотря на способности, Дольф весьма медленно подвигался по стезе знания. В этом не было, разумеется, вины доктора, ибо, не жалея сил и стараний, он заставлял своего нерадивого ученика денно и ночно толочь пестиком в ступке или гонял его по городу со склянками и коробочками пилюль; если обнаруживалось, что Дольф начинает лениться – к чему, сказать по правде, он питал неодолимую склонность, – доктор приходил в ярость и до тех пор донимал его допросами, намерен ли он вообще изучать медицину, пока Дольфа не охватывало былое усердие. Впрочем, он был так же склонен к озорным выходкам и разного рода забавам, как и в детстве; мало того, эти вкусы с годами усилились и окрепли, ибо их долгое время стесняли и сдерживали, и они не находили для себя выхода. С каждым днем он делался своенравнее, все больше и больше утрачивая расположение доктора и его экономки.

Между тем доктор преуспевал: богатство его и слава ширились и росли. Последняя зиждилась на лечении таких случаев, которые не описаны и не предусмотрены в книгах. Он избавил нескольких старух и девиц от ведьмовства – страшного недуга, некогда столь же распространенного в этих краях, как ныне водобоязнь; он поставил на ноги одну дюжую деревенскую девушку, болезнь которой дошла до того, что ее рвало загнутыми иголками и булавками, а это, как знает всякий, – безнадежная форма заболевания. Шептались еще и о том, что он владеет искусством изготовления любовного зелья, и по этой причине к нему обращалось великое множество пациентов обоего пола, сгорающих от любви. Но все эти случаи относятся к той стороне его практики, которая закрыта непроницаемою завесой, ибо, как гласит профессиональное правило, «врач обязан блюсти честь и тайну своего пациента». Поэтому всякий раз, когда имели место консультации подобного рода, Дольф принужден был удаляться из кабинета, хотя, как поговаривали, замочная скважина познакомила его в большей мере с секретами врачевания, чем все прочие занятия с доктором.

Итак, доктор наживал денежки; он стал прикупать недвижимость и, подобно многим великим людям, заглядывать в будущее, предвосхищая те дни, когда он сможет уйти на покой и удалиться куда-нибудь на лоно природы. С этой мыслью он приобрел ферму, или, как ее называли голландцы-колонисты, – боувер⁹, расположенную в нескольких милях от города. Это было родовое гнездо богатой семьи, незадолго перед тем выехавшей обратно в Голландию. В центре усадьбы был расположен просторный дом, который, впрочем, обветшал и нуждался в ремонте. Об этом доме ходило немало жутких и загадочных слухов, и по этой причине он получил название «Дом с привидениями». То ли из-за этих рассказов, то ли из-за неприятного, гнетущего впечатления, которое производила ферма в ее нынешнем состоянии, но доктору так и не удалось найти арендатора, и, дабы дом не разрушился окончательно, пока он сам водворится в нем, он поселил в одном из его крыльев деревенского батрака с семьей, предоставив ему исполу обрабатывать ферму.

Купив этот участок, доктор почувствовал себя настоящим помещиком. Ему не чужды были свойственные немецким землевладельцам спесь и тщеславие, и он стал смотреть на себя почти как на владетельную особу. Он начал жаловаться на усталость от чрезмерных трудов и любил выезжать верхом, чтобы «взглянуть на поместье». Его кратковременные отлучки на ферму обставлялись шумно и чрезвычайно торжественно, что порождало сенсацию в целом квартале. Лошадь с бельмом на глазу обычно с добрый час простаивала перед домом, рыла землю копытом и яростно отмахивалась хвостом от докучливых мух. Затем приносили и приторачивали седельные сумки, спустя некоторое время свертывали и пристегивали к седлу дорожный плащ доктора, затем привязывали к плащу докторский зонтик – все это на глазах у кучки оборванных мальчуганов, этих вечных зевак, толпившихся перед дверью. Наконец появлялся сам доктор: на нем были высокие, выше колен, сапоги с отворотами и надвинутая на лоб треуголка. И так как он был мал ростом и толст, то проходило изрядное время, пока ему удавалось влезть на лошадь, после чего проходило тоже изрядное время, пока он усаживался в седле и подтягивал стремена, наслаждаясь изумленными возгласами и восхищением толпы уличных сорванцов. Уже отъехав, он мешкал еще посреди улицы и потом по несколько раз возвращался назад, дабы отдать последние распоряжения и приказания, причем ему отвечали либо домоправительница, стоявшая у дверей, либо Дольф из лаборатории, либо кухарка-негритянка из погреба, либо служанка из окна своего чердака, и вдогонку ему летели их последние фразы – порой и тогда, когда он уже сворачивал за угол.

Торжественный церемониал докторского отъезда будоражил соседей. Сапожник бросал колодку, цирюльник высовывал завитую голову с гребенкою, торчавшею в волосах, у дверей бакалейщика собиралась кучка зевак, и с одного конца улицы до другого пролетала молва о том, что «доктор выезжает в поместье».

Это были золотые часы для Дольфа. Не успевал доктор скрыться из виду, как пестик и ступка забрасывались, лаборатории предоставлялось заботиться самой о себе, и ученик удирал из дому, чтобы отколоть какое-нибудь бешеное коленце.

И действительно, надо признать, что наш юноша, возмужав, шагал, видимо, прямоком по пути, предсказанному пожилым джентльменом в бордовом платье. Он был вдохновителем и устройтелем всех воскресных и праздничных забав, всех шумных ночных потех; в любой момент он был готов ко всевозможным выходкам и отчаянным приключениям.

Нет ничего беспокойнее, чем герой в малом масштабе, или, вернее, герой в маленьком городке. В глазах сонных, хозяйственных пожилых горожан, ненавидевших шум и не имевших ни малейшей склонности к шутке, Дольф превратился вскоре в какое-то пугало. Добродетельные матроны смотрели на него как на самого отъявленного повесу; при его при-

⁹ Поместье (голл.)

ближении они собирали под свое крылышко дочерей и указывали на него своим сыновьям как на пример никчемности и беспутства. Ни в ком, по-видимому, не вызывал он ни капли доброжелательности, разве что в таких же непутевых молодых лоботрясах, как сам, которых подкупали его чистосердечие и отвага, да еще в неграх, видевших в каждом праздном, ничем не занятом юноше некое подобие джентльмена. Даже славный Петер де Гроодт, считавший себя покровителем Дольфа, и тот стал отчаиваться в своем питомце; выслушивая бесконечные жалобы докторской домоправительницы и смакуя маленькими глотками ее малиновую настойку, он задумчиво качал головой.

Одна лишь мать, несмотря на необузданное поведение ее мальчика, продолжала по-прежнему страстно любить его, и любовь эту не могли поколебать бесконечные рассказы о бесчисленных его злодеяниях, которыми так усердно потчевали ее друзья и доброжелатели. Ей, правда, не досталось в удел того удовольствия, которое испытывают богачи, когда слышат со всех сторон похвальные отзывы о своих детях, но она смотрела на всеобщее нерасположение к Дольфу как на придирки и любила его по этой причине еще более пылко и нежно. На ее глазах он преобразился в высокого, стройного юношу, и при виде его ее материнское сердце наполнялось тайною гордостью. Она хотела, чтобы Дольф одевался как джентльмен; все деньги, которые ей удавалось сберечь, шли на пополнение его кармана и гардероба. Она любовалась им из окна, когда он уходил в город, одетый в свое лучшее платье, и сердце ее трепетало от счастья; однажды, когда Петер де Гроодт, пораженный в одно воскресное утро изящною внешностью юноши, заявил: «Что там ни говори, а из Дольфа все-таки вышел пригожий парень!», слезы гордости увлажнили ее глаза. «Ах, сосед, сосед, – вскричала она, – пусть твердят себе, что им вздумается, но бедняжка Дольф будет еще так же высоко держать голову, как и лучшие среди них!»

Прошло несколько лет. Дольфу шел двадцать первый год. Тем самым срок его обучения истек: приходится, однако, сознаться, что в области медицины он знал немногим больше, чем тогда, когда впервые переступил порог докторского дома. Это произошло, однако, не по недостатку способностей или сообразительности, ибо он обнаруживал поразительные таланты в усвоении других отраслей знания, хотя занимался ими только урывками, в свободное время. Так, например, он был отличным стрелком, и все гуси и индюки, которых раздавали на рождественских состязаниях в качестве приза, доставались ему одному. Он был также лихим наездником, пользовался славою превосходного прыгуна и борца, недурно играл на скрипке, плавал как рыба, и во всем городе не было лучшего игрока в кегли, чем он.

Впрочем, все эти достоинства не снискали ему благоволения в глазах доктора, который становился все раздражительнее и все придирчивее по мере того, как приближался срок окончания ученичества Дольфа. Фру Ильзи по любому поводу обрушивала на его голову бурю; редко случалось, чтобы, встретив его возле дома, она не давала воли своему языку, так что звон ключей при ее приближении стал для Дольфа в конце концов чем-то вроде режиссерского колокольчика, подающего знак к театральному грому и молнии. Только бесконечное добродушие беспечного юноши позволяло ему безропотно сносить эти проявления домашнего деспотизма. Было ясно, что доктор и его экономка решили разделаться с бедным птенчиком и выкинуть его из гнезда, лишь только придет срок, обусловленный договором: скорая расправа с нерадивым учеником была в обычае доктора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.